

Евгений Триморук
Выбор смерти

Второе издание

Евгений Триморук

Выбор смерти. Второе издание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39286643

ISBN 9785449371720

Аннотация

На острове Адск доктор Винсент ван Фрейд проводит необычный эксперимент. Каждый желающий может выбрать себе смерть по своему усмотрению. На чем же остановится невольный доброволец Константин Кириллов?

Содержание

ВЫБОР СМЕРТИ	5
I	5
II	13
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Выбор смерти

Второе издание

Евгений Триморук

Редактор Юрий Петрович Бень

© Евгений Триморук, 2018

ISBN 978-5-4493-7172-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор:

Триморук Евгений

Электронная почта:

trener200686@mail.ru

trener200686@gmail.com

ВЫБОР СМЕРТИ

В ту ночь, когда он умер, мир обеднел на десять миллионов поступков.

Рэй Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту».

I

Жизнь до выбора смерти, ее тягучей точки представлялась Константину Кириллову чем-то предопределенным. Близость смерти – ее тенью.

Глядя из окна «Клуба самоубийц имени Фазиля Мухтара», где был почетным гостем последние годы, Кириллов размышлял именно об этом, испытывая сильное похмелье, которое и приводило его к таким тяжелым мыслям. Все его существо было пронизано этой близостью.

Кириллов с первых лет обучения в школе испытывал странную притягательную силу к тому, чтобы умереть самостоятельно. Он думал об это с утра, он думал об это во время еды, он засыпал с мыслью, что больше не проснется.

С восьми лет Константин определил, на что и куда он потратит свои силы: до шестнадцати на учебу и спорт, до двадцати четырех – карьеру и разврат, до тридцати двух – на творчество. А потом – свобода.

Кириллову не нравились ориентиры многих творческих людей, которые страдают пресловутой заезженной бессонницей, преклоняются перед убогой и мертвящей тишиной и возносят свой жалкий и хлипкий подбородок на манер завоевателя Мартина Антония.

Как они, эти тщеславные герои собственного воображения, как и сам Кириллов, рассказывали о вечности и бессмертии, словно были действительно и безусловно избранными. Кириллов подобного откровенно не понимал, подозревая в себе близкое подобие к схожему мышлению и поведению. Он пытался и выдумать, и поверить, но ничего не получалось. Уж сколько раз ему доводилось приблизиться к этому, только ему известно.

Конечно, Кириллов утвердился в своих убеждениях, когда двоюродный брат Хеля, Рудольф Рыжий-второй, повесился на окне восьмого этажа, хотя он, Рудольф Рыжий, как считал Константин, больше страшился одиночества и призраков будущего. Марина Цвейг, решившая скрыться от многочисленных поклонников у пассивного однокурсника, неожиданно воспылавшего к ней, тут ни при чем.

И вот настал последний месяц и еще один день кирилловского отсчета, когда требовалось заверить последние исправления, которые Кириллов не единожды путал, менял, дописывал. Правда, и тут доктор Винсент ван Фрейд (чтоб наверняка) подкинул пару исходов его убедительной смерти.

Очень уж доктору нравились результаты. Кириллов был

последним. И проект должен быть вот-вот завершиться. Ван Фрейд словно вглядывался в зеркало будущего, в котором от самодовольства и радости отражалась глубина его морщин.

Идеальные расчеты былых добровольцев казались менее идеальными. Он же, доктор Винсент ван Фрейд, восторгался данными Кириллова, такими безупречными, такими волнующими, такими, безусловно, поэтичными. С ним-то он, доктор ван Фрейд, точно не прогадает.

Все остальные (или почти все) уже давно почивали в вечности эксперимента. Особенно, когда подписали договор. С теми было все-таки проще, с небольшими отклонениями. Кириллова эта история с погрешностями должна миновать. Но и сам Кириллов как будто сомневался. Как будто что-то задумал. Не совсем был откровенен с куратором. И это ван Фрейда несколько коробило. Кандидатура хорошая, но строптивая. Приходится убеждать.

– Тебя сбивает метробус. Ниоткуда, – вдохновенно заявил доктор, – такой хитрец. – Он горел, оценивая, что сделает Кириллов с чертовой спичкой. – По-моему, прекрасная смерть. – Подобострастный и безумный ван Фрейд посмотрел на Кириллова, ожидая увидеть кивок и признание такого быстрого и безукоризненного решения, – ведь все-таки за что заплачено, за темно-карие глаза, что ли?

Кириллов колебался. Вел себя очень замкнуто, что уже начинало раздражать ван Фрейда.

– Никакого масла масляного. Никакого прорицания от Венеры до Канта. – Тут доктор в своей манере вознес указательный палец вверх, по нему улавливая направление ветра. – Даже за смерть нужно платить своевременно. Мы же тебе предоставили все возможности, так что, будь добр, – но Кирилловне вчитывался в мимику доктора, который был поглощен экспериментом.

– А, – хотел было сказать Кириллов.

– Как в «Андрее Каренине», разве не так? – Подхватил ван Фрейд с претензией на то, что знает смысл существования Кириллова, те книги, которые он себе установил дописать до точки отсчета, до завершения проекта «Предложение смерти».

– «Анне Карамазовой», – поправил Константин, сломав кривую спичку, и тут же вспомнив, что, возможно, ван Фрейд говорил об «Эмме Карениной», но решил промолчать, отбросив в сторону навязчивый образ Генрих Габлер.

– Да хоть так. – Не унимался настырный ван Фрейд. – Мне еще нравится нож в сердце от нерадивой любовницы, например, Джульетты Лондон, – произнося, как Жульен Ло, – или Гедды Ганской-младшей? – Снова вознес палец, ищущий ветра. – Обе жаждут твоей смерти. – Доктор не отступал. – Яснее всего в памяти всплывает картина, когда ты на коленях. Но это. Какие картины они рисуют, очоуришься. Даже двусмысленно получилось. Знали бы они, что ты и так скоро умрешь. – Тут он по-геенски хихикнул. – Вот дуры, да?

– Как посмотреть.

– Ты в явном фаворе еще у троих, – доктору было неудобно повторять слова, которые казались модными, но так чесалось их повторить, – одной фанатки-студентки или невинной школьницы, написавшей тебе подробный дневник (его бы рекомендовал тебе, хе-хе, парадокс, вставить в свои тексты, но куда уж), о дефлорировании...

– Дефлорации.

– Да, дефло, в общем, «Дневник недотроги», и даже... – Как будто что-то вспомнил. – Я бы назвал «Любовница евгетского коллекционера», – Кириллов отклонил голову, – да уж что мне. О, прости. Ты такой... – Именно гомофобию доктор ван Фрейд все-таки (честно) приписывал Кириллову, но толерантно стеснялся указать на это своему подопечному.

Кириллов изо всех сил старался не признаваться, что с ним происходило в былые годы. И это сильно влияло на программу, которую предлагал ван Фрейд. Известное, произнесенное вслух, влияет на наше сознание. Нам всегда кажется, что нас знают. О своих попытках умереть Константин упорно молчал.

– Тогда я бы предложил, – ван Фрейд перескакивал одной мысли на другую. – Но это совсем нелепо. – Театрал театральничал. – Надеюсь, не ошибка в подсчетах. Ты упадешь с лестницы. Вижу, наконец, ты заинтересовался.

Константин задавался вопросом: какого черта он здесь делает, и зачем ему помощь, когда он в ней не нуждается? Он

все-таки не Винсентван Фрейд.

– Как? Один пролет. Сломанная шея. Долго, конечно, будешь лежать. Все по договору. Все по контракту.

Другие добровольцы вели себя на манер Артюра Элджерона. И Хель со своими нотациями и цитатами не вылетал из головы Кириллова. И снова Генрих Габлер. Чертова Герда. Герда. Герда. И Мисима-Монро. И Стефания Цветаева. И он, Константин Кириллов, допустил ошибку, когда решил стать проще, правильнее, доступнее. Парадокс.

– Обычно предпочитают лифт. – Звенел где-то голос доктора. – Ох, уж этот евгетский, этот звездный язык. Моя куртизанка меня заездила.

– Баран. – Подумал Константин. А вслух тупо и неестественно пошутил, – какая куртизанка? – зная, что не умеет шутить. Никогда не умел.

– Ошибешься в ударе – день насмарку. – Доктор ван Фрейд весь в себе. – Ей, видишь ли, нравится, когда говоришь правильно. «Торты, шарфы, доски». Ударение, ударение, ударение. И тебе обеспечен выходной выпуск на поляне. – Доктор закатил глаза, представляя себе картину. – Как из «Облако в штате Сан-Франциско» Александры Сергеевны Есениной.

– Владимира Владимировича Акутагава, – совсем решил поиздеваться Кириллов.

– Что говорить о сложных конструкциях и исключениях.

– И не в штате, а в штамме.

– У неё был репетитор, товарищ Синтаксис, так там, вообще, туши свет, ешь дошик.

– Вчера умер третий, Ганнибал Ганди, – прыснул Кириллов.

– Что? – отреагировал ван Фрейд. Он стал размышлять. Глазки нервно забегали. Один доброволец стоял перед ним, другой мог нарушить договор.

– Все время о нем говорит. – Выплюнул хвост фразы доктор ван Фрейд. – И это, знаешь ли, как-то. – Пожевал губами. – В общем, держи список. – Заключил доктор. – Контракт ты знаешь. По договору через неделю ты должен умереть. – Заключил он, потирая острую седую бородку. И в руках Константина оказалась толстенная папка с условным названием «Волевой выбор». – Тебе поставят памятник, – чуть ли не выкрикнул, убегая доктор Винсент ван Фрейд.

Кириллов так и не смог прочесть третье слово, которое присутствовало на обложке, потому что оно было заляпано клеестым, как в фильмах про пиратов Адова моря, пятном от клюквенного сока, хотя это был виноградный сироп.

Четвертое – прыжок с высоты. Это очень прельщало Кириллова. Он давно хотел въяве попробовать подобное, ценою во всю жизнь. Как там у братьев Смердяковых? Человек, нырнувший с самолета, насыщается всей жизнью до конца полета.

Пятое – случайный прохожий, убитый горем, кидается на Константина и случайно убивает его.

Шестое – совсем странное, потому что присутствовал какой-то мистицизм, уходящий корнями в литературщину.

Седьмое, что уж совсем анекдотично, камень с крыши.

Вот, восьмое. Самое верное, решил Кириллов, устремляясь по улице Дионисия к бару «У Макбет». Здесь Константин и дождется любой из предназначенных и безусловно-безупречных моделей собственной смерти. А пока будет думать, что успел сделать за последние восемь лет и успеет в последующие.

II

Город Адск – звучит словно Гадск, что неверно, – как считал ван Фрейд, псевдотринириец (не путать с воинствующими триммерийцами) славился групповыми экспериментами сомнительного свойства. Земля слухами полнится. Остров тем более. Выживших на нем в начале второго тысячелетия считали едва ли не святыми. Правда, некоторые в беседах тет-а-тет, дневниках, заметках как будто случайно, очень аккуратно добавляли: не очередной ли это проект именно тех, кто оттуда вернулся?

Конечно, времена изменились. Но остров вызывал крайнее любопытство. О нем снимали документальные фильмы и сериалы, но вряд ли бы кто-то мог утверждать, что он приблизился к тайнам Адска.

Не будь ее, пресловутой загадочности, никто бы, собственно, и не стремился переезжать в город, полный двусмысленных настроений и недомолвок на рубеже следующего столетия.

Внешний ужас сменялся внутренней защищенностью. Это считалось чуть ли не парадоксом существующего города, острова, тюрьмы, исследовательского центра под одноименным названием «Адск».

Самое возмутительно нелицемерное, хоть и нелицеприятное место, когда в глаза говорят жгучую правду, смешанную

с собственным мнением, приперченным цинизмом. Человек мог застрелиться в толпе ТЦ «Цербер», приветливо сказав несовершеннолетней, что у ее отца явные признаки нездорового созревания. Другой, заскочив в примерочную со случайной знакомой, после ее ухода, с отстраненным выражением лица, вскрывал себе вены. Третий и вовсе разыгрывал сцену, после которой больницы Адска пополнялись людьми, измученными ночными кошмарами. И все это только поглаживание. Изощренная смерть считалась искусством. Поэтому сюда устремлялись те, кто готов был красиво умереть.

Да и администрация города при необходимости снижала дотации и налоги. Бюджетной здесь была не только смерть.

III

Кириллов подпал под очарование Генрих Габлер, давно убедившись, что его заводит чтение художественной литературы как в интеллектуальном, так и в физическом смысле. Никакие дозы «Оркуса» и его заменителей так на него не воздействовали, как прочтение «Эммы Карениной», и даже не те сцены, где она совращала одного кавалера за другим, оставляя их в полном недоумении со спущенными штанами, за что по одной из ранних версий автора и должна была повеситься.

И в какой восторг он впал, когда Генрих решила ему прочесть свою пьесу «Дело Катерины Карамазовой». В сочетании со «Статичной» молчаливый Кириллов, рациональный Кириллов, сдержанный Кириллов, проникся самой божественной страстью, смешанной с подбострастием и деспотизмом. Он заставлял Генрих унижать себя. Указывал ей, как ему нравится... И требовал, чтобы она читала, не обращая на его приставания никакого внимания. Больше всего ему нравилось, когда она усаживалась в кресло и руках держала открытую книгу, распечатанные рукописи. Тогда он подползал к ее ногам, целовал колени. И начинал «исследование», понимая, что и юмор его плоский, и что он вовсе Генрих не нравился. Ее же мысли были несколько книжными и отстраненными. Ответы не удовлетворяли Кириллова.

Он хотел, чтобы она говорила с интонацией, которая звучит в его голове. У нее выходило несколько грубо, сухо и стеснительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.